

ТЕТРАДЬ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

ДНИ ПОСТА

10 тем для изучения и обсуждения за столом

Десять вопросов из урока рава Рафаэля Бенизри «Тиша бе-
Ав: разрушение Первого Храма»: что рухнуло внутри прежде,
чем рухнули стены, почему скрижали должны были
разбиться и почему плач пишется буквами вопроса. У Рава
разрушение никогда не бывает последним словом.

Рав Рафаэль Бенизри

Содержание

Темы для размышления и вопросы для обсуждения за столом в дни поста

- 01** Гибель начинается изнутри
-
- 02** Скрижали должны были разбиться
-
- 03** Смерть в сердце жизни
-
- 04** Мишкан: четыре буквы, четыре опоры
-
- 05** «Я остаюсь царём»
-
- 06** Эйха и Айека: те же буквы
-
- 07** Три буквы, у которых нет пары
-
- 08** Алфавит в беспорядке
-
- 09** Семьдесят лет — или без конца
-
- 10** Лучше святилище, чем народ
-

Гибель начинается изнутри

ВВЕДЕНИЕ

После славного царствования Шломо страна раскалывается: Израильское царство на севере, Иудейское на юге. Ассирия уносит первое; Йехуда держится почти век, пока Навуходоносор не возвещает его гибель.

ВОПРОС

Что ослабило народ ещё до прихода вражеских армий?

ОТВЕТ

Рав: *«Это напряжение между светским и религиозным миром не ново, оно давнее».*

Рав называет Израильское царство светским, а Иудейское — религиозным, в кавычках. Это напряжение значительно ослабляет сопротивление народа натиску врагов.

А ведь Йошиау был образцовым царём, ревностно оберегавшим и независимость земли, и верность хартии Торы. Когда великие державы сталкиваются, он сухо отказывается пропустить их через свою страну; он падёт от стрел египетских лучников. Его преемники не будут обладать ни одной из его добродетелей, и их плохо продуманные восстания ускорят осаду.

17 таммуза стена поддаётся: это первая брешь. А внутри стен три фракции спорили о руководстве обороной, что ещё больше ослабляло защиту. 9 ава вавилонские войска врываются в Йерушалаим и предают его огню и мечу.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Стены редко падают разом: сначала они поддаются там, где внутри идёт спор. Какая ссора у нас ослабляет дом больше, чем любая внешняя трудность? Что мы могли бы сделать, чтобы «фракции» снова стали семьёй?

Скрижали должны были разбиться

ВВЕДЕНИЕ

17 Тамуза открывает три недели. В этот день были разбиты первые скрижали, прекратилась ежедневная жертва, Апостомос сжёг Тору, в святилище был поставлен идол. Четыре бедствия — одна дата.

ВОПРОС

Что связывает эти четыре события — и почему разбиение скрижалей в замысле Творца было скорее условием, чем случайностью?

ОТВЕТ

События 17 Тамуза: разбитые первые скрижали, прекращение ежедневной жертвы, Тора, сожжённая Апостомосом, идол, поставленный в святилище.

Без разбития первых скрижалей не было бы ни Устной Торы, ни вторых скрижалей. Первые скрижали — это Письменная Тора. А всё, что записано и зафиксировано так, что в нём больше ничего не меняется, обречено разбиться: нужно оставить ему возможность выражаться через устное слово, через каждого человека, который его мыслит, чувствует и выражает по-своему.

По той же причине прекращается ежедневная жертва, повторяющееся. А Тора, сожжённая Апостомосом, сохраняется устным путём: это, говорит Рав, входит в замыслы Творца, чтобы спасти народ-свидетель.

Ибо мы не просто народ, толпа людей, национальная единица: мы — нравственная единица, свидетель истории, слова, откровения. Разлом, вписанный в историю закона Израиля, неизбежен, потому что именно он позволяет этому закону воскреснуть в новой форме.

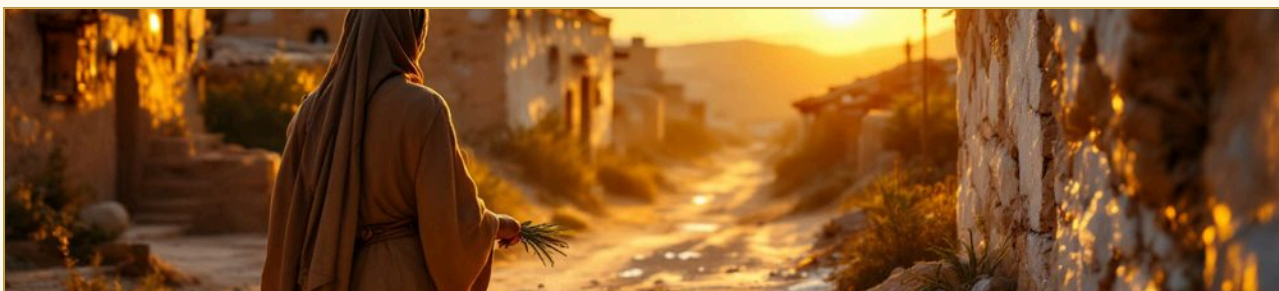
ВЫВОД РАВА

Без разбития первых скрижалей Завета не было бы Устной Торы, не было бы вторых скрижалей.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Мы называем верно то, что порой лишь повторение. Что в нашем доме — привычка, правило, фраза, которую повторяют каждый год, — держится уже только по инерции? Готовы ли мы дать этому разбиться, чтобы оно заговорило вновь, или будем ждать, пока оно разобьётся само?

Смерть в сердце жизни

ВВЕДЕНИЕ

Рав утверждает, что еврейский народ включает смерть в жизнь. Один слушатель возражает: все философии связывают смерть с жизнью; в чём разница?

ВОПРОС

В чём еврейская мысль включает смерть в жизнь, вместо того чтобы помещать её на её краю?

ОТВЕТ

«Люби Г-спода, Б-га твоего... всей душой твоей» (Дварим 6:5) — рабби Акива: даже если Он забирает твою душу.

Для других религий смерть представляет иной порядок, иную область, расположенную на краю жизни. Здесь же смерть — часть жизни: она позволяет начать заново, переработать бытие для себя и для будущих поколений. Нет смерти, которая не несла бы в себе новую жизнь. Поэтому женщина, которая высвободила жизнь, что носила в себе, становится на время нечистой: смерть и жизнь взаимодействуют в один и тот же момент.

Рабби Акива мог любить Б-га всей душой, даже когда Он забирал его душу, потому что смерть не была для него концом самим по себе. Она была, как говорит Магараль из Праги, отсутствием: человек больше не отзывается на зов, но он занят другим, он готовит нечто иное.

Поэтому на исходе дня Тиша бе-Ав уже начинается обновление: женщины выходили белить фасады своих домов. Этот обычай хотели отменить, затем сохранили — нельзя было отделять обновление жизни от неизбежного кризиса.

ВЫВОД РАВА

Мы ещё не достигли этого уровня, это очень трудно; это становление, это идеал.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

В каждой семье есть те, кого нет. Как мы говорим о них: как об ушедших или как о тех, кто «готовит нечто иное» через нас? Что мы получили от них такого, что продолжает жить за нашим столом?

Мишкан: четыре буквы, четыре опоры

ВВЕДЕНИЕ

Для Рава вся жизнь народа вращается вокруг четырёх понятий, вписанных в одно слово: Мишкан, святилище. Его четыре буквы читаются как четыре начальные буквы.

ВОПРОС

Если святилище несёт в своём имени четыре функции, какой из них не хватало накануне разрушения — и какой не хватает сегодня за нашим столом?

ОТВЕТ

Четыре буквы слова Мишкан: Мем, Шин, Каф, Нун.

Мем — это Мелех, царь, гарант порядка и устройства. Шин — Шофет, судья, который пользуется своей рациональностью, чтобы рассмотреть каждую ситуацию и вынести закон. Каф — Коэн, духовный наставник, учитель, обеспечивающий интеллектуальное и духовное возвышение народа. Нун — Нави, несущий свидетельство о Б-жественном и придающий учению новое дыхание: сегодня это великие нашего поколения.

Когда недостаёт хотя бы одной из этих букв, история народа хромает: без гаранта порядка, без гаранта закона, без вдохновителя, без достойных учителей, обеспечивающих преемственность. Но пока хранят Тору и черпают из неё вдохновение, пробуждение обеспечено — в близкой или далёкой перспективе.

А тому, кто возражает, что у нас больше нет ни царя, ни судьи, ни пророка, Рав отвечает: каждый несёт в себе этот Мишкан. Нужно быть самому себе Шофетом, самому себе Коэном, самому себе Нави.

ВЫВОД РАВА

Даже если пророчества больше нет, святой дух всё ещё живёт в исключительных людях, и они обязаны вдохновлять народ.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Каждый из нас несёт в себе четыре буквы. Пусть каждый скажет, какая из них у него слабее всего: порядок, который он не держит, суждение, которого не выносит, то, чему он больше не учит, или дыхание жизни, которое он никому не передаёт. И какую из них он хочет поднять в этом году?

«Я остаюсь царём»

ВВЕДЕНИЕ

Ирмея является к царю Йеояким и читает ему свои плачи. Царь слушает стих за стихом и всякий раз отвечает одно и то же.

ВОПРОС

Что раскрывает реакция царя и почему мы до сих пор читаем свиток, который он сжёг?

ОТВЕТ

«И взял Ирмея другой свиток и отдал его Баруху, сыну Нерии, писцу» (Ирмея 36:32).

Как одиноко сидит город многолюдный; стал он как вдова. «Но я остаюсь его царём». Он стал данником. «Я остаюсь его царём». Он плачет ночью, все друзья изменили ему. «Я остаюсь царём». Главное для него — продолжать занимать свой трон, в каких бы то ни было условиях.

Но когда пророк доходит до причины — угнетатели взяли верх, ибо Г-сподь поразил его за множество грехов, — царь берёт свиток и сжигает его. Ирмея вынужден продиктовать его заново, из темницы, своему писцу Баруху бен Нерию. Именно этот текст гаоны установили для чтения 9 ава: как осознание всего народа.

Рассказывают, что Наполеон, проезжая через Страсбург, услышал плач тех, кто читал элегии, и сказал: если через две тысячи лет этот народ всё ещё оплакивает свою утраченную страну, однажды он её вернёт.

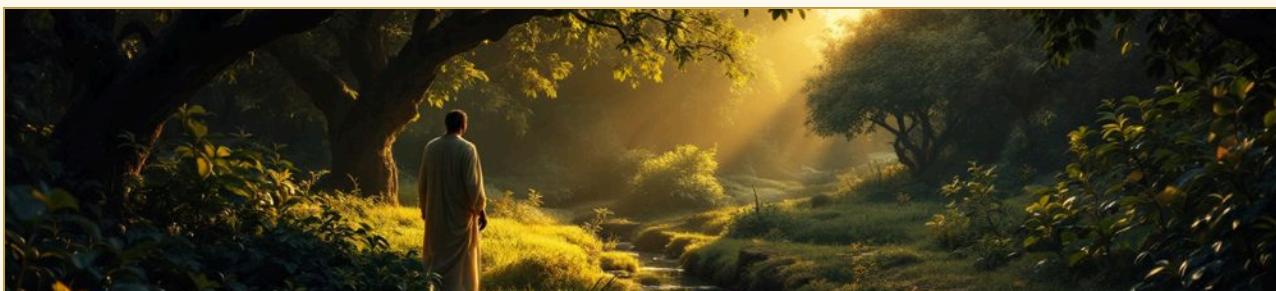
ВЫВОД РАВА

Речь идёт об осознании всего народа.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Соблазнительно выслушивать плохие новости, спрашивая себя лишь: «сохраню ли я своё место?» Когда мы так реагировали на критику? И какую неприятную истину мы предпочли «сжечь», вместо того чтобы выслушать её до конца?

Эйха и Айека: те же буквы

ВВЕДЕНИЕ

Вечером 9 ава читают Эйха при свечах. Слово означает «как». Но его буквы — в точности буквы другого вопроса, самого первого, который Б-г задал человеку, в саду.

ВОПРОС

Если «как» и «где ты» пишутся одними и теми же буквами, то плач — это констатация прошлого или вопрос, обращённый к нам сейчас?

ОТВЕТ

«Где ты?» (Берешит 3:9); «Как я один понесу ваше бремя?» (Дварим 1:12); «Как стал блудницей город верный?» (Йешая 1:21); «Как одиноко сидит» (Эйха 1:1).

Первый отзвук Эйха — в обращении к человеку: Айека, где ты, где ты находишься? Ты съел от дерева познания и прячешься; вместо того чтобы показать, что способен включить зло в добро и смерть в жизнь, ты чувствуешь себя нагим, неспособным. Тогда тебе придётся уйти в изгнание, ты подведёшь итог тому, чего хочешь и кем должен быть, и вернёшься в место, задуманное для тебя. Страна Израиля, говорит Рав, — это в некотором роде Эден еврейского народа.

Кстати, в Танахе три «Эйха». Моше: как я один понесу ваше бремя, ваши споры, ваши ссоры. Йешая: как стал блудницей город верный. Ирмея: как одиноко сидит. И наши мудрецы говорят, что все три сходятся в самом первом — Айека.

Изгнанный из своего Эдена, народ узнаёт среди народов, что это одиночество под насмешками мира — незавидное положение: ему нужно думать о возвращении.

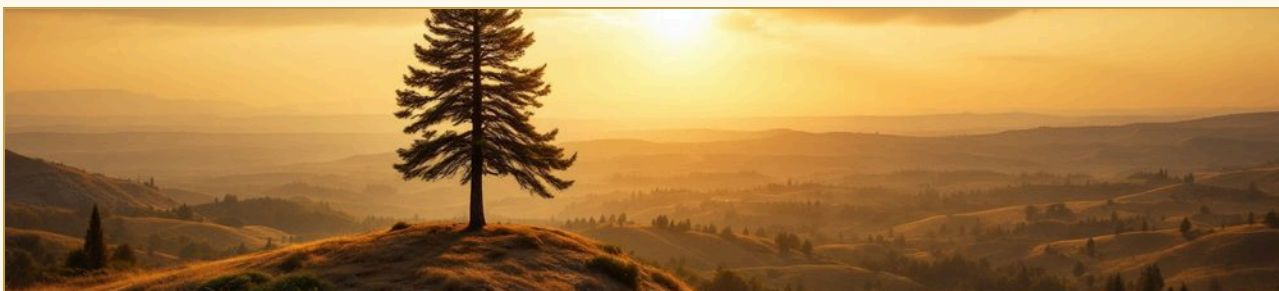
ВЫВОД РАВА

Чтение Эйха вечером Тиша бе-Ав — не просто плач о прошлом, а размышление о том, каким должно быть наше направление в будущем.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Айека не спрашивает, что произошло, — он спрашивает, где ты стоишь. Пусть каждый ответит за себя: где я по сравнению с тем, кем хотел быть год назад? И где именно в моей жизни то место, где я прячусь?

Три буквы, у которых нет пары

ВВЕДЕНИЕ

Ирмея открывает свои плачи словом: бадад, одинокий. Виленский Гаон стал искать это одиночество в самом алфавите, соединяя буквы попарно по их числовому значению.

ВОПРОС

Три буквы еврейского алфавита остаются без пары. Что говорит это одиночество о народе — и как отличить его от покинутости?

ОТВЕТ

«Вот, ты прекрасна, подруга моя... и нет в тебе изъяна» (Шир а-ширим); «Вот народ, живущий отдельно и среди народов не числящийся» (Бемидбар 23:9).

Алеф и тет дают десять, бет и хет дают десять, гимель и заин дают десять. Дойдя до хей, пары больше нет: ему нет соответствия. Так же и в десятках: йуд и цади, каф и пе, ламед и аин составляют пары, но нун, пятьдесят, остаётся один. И так же в сотнях, если включить конечные буквы: остаётся конечный каф без пары.

Эти три буквы без пары, говорит Виленский Гаон, составляют слово хинах: вот, ты прекрасна, подруга моя, и нет в тебе изъяна. Таков образец, который Б-г пожелал явить в народе, несущем Его свидетельство, и потому этот народ останется одиноким: он не соединится ни с кем вовне, не примкнёт ни к какому чужому божеству. Он будет одинок и не будет причислен к народам.

Именно это бадад, это одиночество, оплакивает Ирмея в своих плачах.

ВЫВОД РАВА

Всевышний пожелал, чтобы он был одинок; Он его ведёт.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

За этим столом есть одинокие: один одинок потому, что держит позицию, другой — потому, что его оставили в стороне. Умеем ли мы их различать? И кому мы должны сказать в этом году, что он одинок не потому, что неправ, а потому, что стоит на своём?

Алфавит в беспорядке

ВВЕДЕНИЕ

Эйха написана акростихом: её главы следуют порядку еврейского алфавита, одна из них повторяет его трижды. Но последняя глава, где ровно двадцать два стиха, не следует порядку букв. И книга завершается озадачивающим стихом.

ВОПРОС

Что говорят этот заключительный беспорядок и последний стих о гневе Б-га?

ОТВЕТ

«Обрати нас к Себе, Г-споди, и мы обратимся... Неужели Ты совсем отверг нас, разгневался на нас безмерно?» (Эйха 5:21–22).

У каждой буквы Торы своя самостоятельность и свой смысл: сама буква, венец над ней, огласовка, которая её направляет, и белое поле вокруг неё. Если в свитке Торы одна буква касается другой, он негоден: её лишили её вдохновения. Последняя глава Эйха, вне алфавитного порядка, говорит о смятении — но и об утешении, ибо она призывает восстановить порядок. Одна хасидская мысль гласит, что Машиах приведёт эту главу в порядок.

Хотелось бы закончить молитвой «Обрати нас к Себе». Но последний стих говорит об отвержении. Его нужно слышать как вспышку гнева, а не как отвержение: вспышку, которая пройдёт. Мы доверяем Тебе.

Народ призван быть народом вечности — но вечности в движении постоянного возрождения.

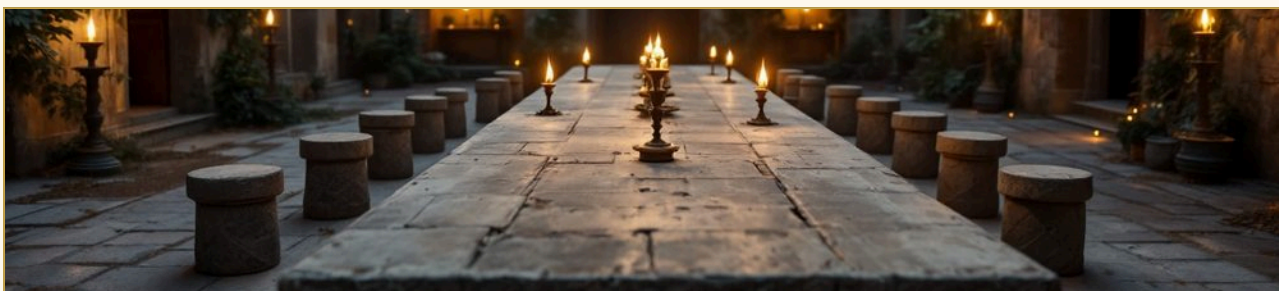
ВЫВОД РАВА

Гнев Б-га ограничен во времени.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

И в семье бывает гнев, похожий на отвержение. Как мы даём понять другому, что наш гнев — вспышка, а не разрыв? И после ссоры кто первым делает шаг, чтобы навести порядок?

Семьдесят лет — или без конца

ВВЕДЕНИЕ

Первый Храм был разрушен за тяжчайшие грехи — идолопоклонство, разврат, пролитие крови, — и всё же изгнание закончилось через семьдесят лет. Второй, разрушенный за беспричинную ненависть, до сих пор не нашёл развязки.

ВОПРОС

Почему беспричинную ненависть исправить труднее, чем самые тяжкие грехи?

ОТВЕТ

Наши мудрецы: Первый Храм был разрушен за идолопоклонство, разврат и пролитие крови; Второй — за беспричинную ненависть (Йома 9б).

Б-г был снисходителен к грехам эпохи Первого Храма, говорит Рав, потому что они проистекали из неподконтрольных ситуаций. Их удалось исправить по истечении цикла в семьдесят лет: всякий раз, когда появляется число семь, это жизненный цикл, требующий перезапуска, как шмита каждые семь лет и юбилей на пятидесятый год.

Беспричинная же ненависть разделила народ. Что такое идолопоклонство? Держаться одной-единственной идеи, единственного способа мыслить — даже в Торе, — не допуская, что может существовать иная точка зрения, иной способ толкования. Это превращает слово Б-га в идола. Если Тора, созданная объединять, разделяет людей, это открытая дверь для всех извращений.

Мессианская эпоха медлит, потому что мы ещё не говорили друг с другом на зрелом уровне, не впадая в крайности. У Синая, при всём своём разнообразии, Израиль стал как один человек.

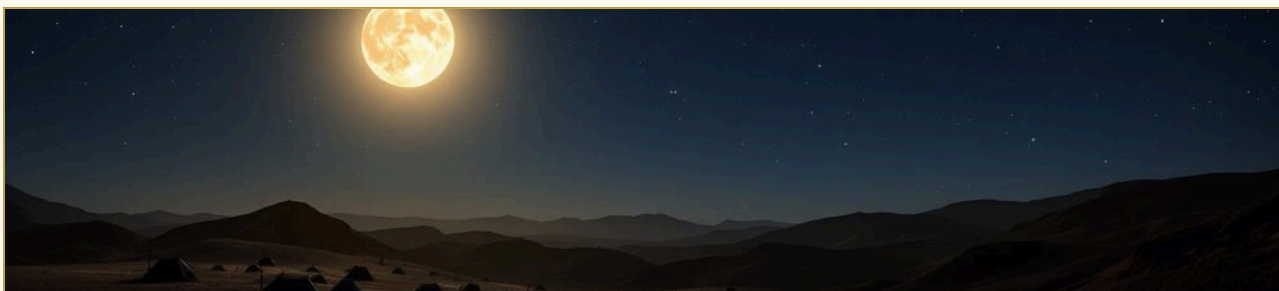
ВЫВОД РАВА

Мы ещё не говорили друг с другом — по-настоящему, на зрелом уровне.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Бывают семейные споры, которые рождаются не из вины, а из уверенности: «есть лишь один способ смотреть». В каком вопросе каждый из нас держится своей единственной идеи? Попробуем этим вечером честно изложить точку зрения другого.

Лучше святилище, чем народ

ВВЕДЕНИЕ

Почему Моше не вошёл в Обетованную землю? Рав подхватывает мысль мудрецов: всё, что строил Моше, было вечным. Если бы он построил Храм, тот никогда не мог бы быть разрушен.

ВОПРОС

Почему неразрушимый Храм был бы опасностью, а не благословением?

ОТВЕТ

«Лицо Моше — как лицо солнца, лицо Йеошуа — как лицо луны» (Бава Батра 75а).

Храм Моше стоял бы окончательно — но народ не смог бы соответствовать его требованиям святости. В день гнева Б-г излил бы его не на камни и деревья, а на народ. А лучше, чтобы Он разрушил Своё святилище, чем Свой народ.

Моше был солнцем: ослепляющим, ему приходилось закрывать лицо покрывалом. Йеошуа был как луна, которая лишь принимает свет и отражает его. Но у луны есть особое свойство: посреди ночи, светя, она позволяет маленьким звёздам заявить о себе.

Таков человек земли: тот, кто оставляет место всем маленьким вокруг себя, чтобы они могли выразить себя, утвердиться и осуществиться.

ВЫВОД РАВА

Лучше, чтобы Он разрушил Своё святилище, чем разрушил Свой народ.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

В семье некоторые — солнца: они освещают всё, но видно лишь их. Другие — луны, позволяющие сиять маленьким звёздам. Кто мы дома? И кому мы могли бы помочь засиять на этой неделе?